

У Василия Шукшина есть необычайно актуальный рассказ «Чужие». Хорошая половина его занимает выписка из книги о великом князе Алексее Александровиче Романове, который являлся дядей Николая Второго.

Эта выписка о представителе царской фамилии создает такой эффект дежавю, что хочется также ее полностью привести, но ограничусь кратким пересказом. С детства этот деятель был разгильдяем и повесой, но его продвигал царствующий отец Александр II по флотской линии вплоть до звания генерал-адмирала, курирующего весь русский флот. На этой должности Алексей, ничего не смысливший в морском деле, развернулся не на шутку и стал грабить казну вместе с многочисленными друзьями и любовницами.

Контролировал все подряды по морскому ведомству, от которых со своими нахлебниками отщипывал не меньше половины. Из-за диких запросов мздоимцев перед Русско-японской войной не состоялась покупка чилийских броненосцев, которые выкупила Япония. Принимал он посетителей только после того, как тот или иной предприниматель заплатит крупную взятку его любовнице Балетте. В итоге довел флот до такого состояния, что «офицеры не умели командовать. Суда не имели морских карт. Пушки не стреляли. То и дело топили своих, либо нарывались на собственные мины». Позорная для русских Цусима поставила крест на карьере дяди Николая Второго: «Несколько часов японской пальбы достаточно было, чтобы от двадцатилетней воровской работы Алексея с компанией остались только щепки на волнах».

Его любовница Балетта с многомиллионным приданым уехала за границу, вскоре, после отставки, к ней в Париж отправился и Алексей Александрович, где неумоимо сорил деньгами, правда, непродолжительное время. В 1908 году он скончался «от случайной простуды».

Сейчас к представителям царской фамилии принято относиться с особым благоговением, над всеми ними нимбы старательно возводят, поэтому вдобавок приведем высказывание об Алексее Александровиче его двоюродного брата Александра Михайловича: «Светский человек с головы до ног, “le Beau Brummell”, которого баловали женщины, Алексей Александрович много путешествовал. Одна мысль о возможности провести год вдаль от Парижа заставила бы его подать в отставку. Но он состоял на государственной службе и занимал должность не более не менее как адмирала Российского императорского флота. Трудно было себе представить более скромные познания, которые были по морским делам у этого адмирала могущественной державы. Одно только упоминание о современных преобразованиях в военном флоте вызывало болезненную гримасу на его красивом лице. <...> Это беззаботное существование было омрачено, однако, трагедией: несмотря на все признаки приближающейся войны с Японией, генерал-адмирал продолжал свои празднества и, проснувшись в одно прекрасное утро, узнал, что наш флот потерпел позорное поражение в битве с современными дредноутами Микадо. После этого великий князь подал в отставку и вскоре скончался».

Подобная поведенческая модель очень распространена в России, особенно, когда формируются закрытые касты, когда власть становится вещью в себе. Это определенный вестник лихолетья: кто-то кутит, обкрадывает и прожигает, а корабли уже в щепки или страна по швам. Шукшин называет этих людей «чужими». Подобных «чужаков» чрезвычайно много и сейчас, когда сформировалась и окончательно цементируется новая «элита», когда производится гигантское разделение общества на тех, кто спину гнет или жизни свои отдает, и тех, кто в парижках кутит или обирает Россию до нитки, чтобы в этих самых парижках оказаться. Условные парижки сейчас необычайно притягательны.

Но есть и родня, свои. Шукшин приводит в пример деревенского пастуха, дядю Емельяна, который в молодости прошел Русско-японскую, сопоставляет этих «детей одного народа»: «бездарного генерал-адмирала» и бывшего матроса. Вывод прост: и на том свете им не о чем поговорить, они чужды друг другу на «веки вечные».

Эта линия разделенности на «чужих» и «своих» проходит через все шукшинское творчество. «Чужими» могут быть и люди чинов многим пониже и пожиже великого князя.

Таковы уркаганы из шукшинской «Калины красной» – типичные прогрессивнейшие представители нашего общества. По крайней мере, они сами себя за таковых считают. Они также их разряда «чужих», из-за них гибнет свои, родня.

В этих персонажах много всего намешано, и нельзя сводить их лишь к обыкновенным представителям криминалитета. В их «малине» нон-стопом программа «Голубого огонька» в живом исполнении. «Барыня» и прочее. Своеобразный «квартирник», сильно смахивающий на то, чем ныне потчует лоботомирующее мозг телевидение.

Губошлеп, Люсьен, Бульдя – своеобразный андеграунд, представители творческой интеллигенции, которых «преступный режим» загнал

на криминальную ниву. У Шукшина эти «творческие деятели» и криминалитет часто идут бок о бок.

Можно вспомнить «энергичных людей» из одноименной повести. В них также смесь самодеяльности-креативности с криминалом. Их символ жизни и веры состоит в том, что «определенная прослойка людей и должна жить... с выдумкой, более развязно, я бы сказал, не испытывать ни в чем затруднений». Через годы эта логика стала структурообразующей в обществе: «нация... должна иметь своих представителей... людей с повышенной энергией, надо же возбуждать фантазию всех органов государства, иначе будет застой». Кто только не произносил подобные слова в последние десятилетия. Каждый представитель креативного класса считал своим долгом о чем-то подобном поведать, вывести свою апологию «энергичных людей».

Губошлеп из «Калины красной» – пустобрех. Отличное определение либерального дискурса – губошлепство. Так вполне можно называть фанатика-либерала. «Если ему некого будет кусать, он, как змея, будет кусать свой хвост», – пишет Шукшин про Губошлепа. Это он делает смертельный выстрел в главного героя – Егора Прокудина. Такое прозвище появлялось и в романе «Я пришел дать вам волю». Сам атаман там говорил: «Губошлепа никто не любит, даже самая худая баба. Но смерть губошлепа любит»...

Принцип всей этой публики «чужих»: мужиков в России много.

К мужикам они относятся высокомерно, пренебрежительно-брезгливо, за людей их не считают (разве воспринимал за человека великий князь матроса Емельяна?). Так продолжается, пока не взбрыкнет и не уйдет от них Егор. А потом Петр не скинет их всех в реку бежевой «Волгой» – философским пароходом...

Шукшинские «чужие» проповедуют сословное разделение общества. Прокудин для них мужик – представитель низшего сословия. Дикарь, абориген, которого и человеком в полной мере назвать нельзя. Мужик... чего вы хотите?..

В девяностые эта публика стала приватизаторами, после претендует на статус властителей дум и законодателей жизненной моды. Личин всяческих много. В девяностые они уничтожали таких мужиков как класс, зачищали от них новую страну. Говорили, что те ни что не годны и не приспособлены для нового. Твердили, что именно это самое мужичье – разносчик красной заразы, а пока есть она, не будет нам счастья.

Егор-«Горе» – он совершенно другой, иной породы. Его семь судимостей – лишь новый извод вечной притчи о блудном сыне. Своеобразное сошествие во ад, через которое закаляется человеческая сталь. Он, как и шукшинский Степан Разин, – «человек, разносимый страстями». Он и «безумствует, съедаемый тоской и болью души», но в тоже время «в глубине этой души есть жалость к людям».

Егор – мужик. Крестьянин. Освобождаясь из мест заключения, говорит, что собирается заниматься сельским хозяйством. Ощущает сопричастность с землей (так же и бывший матрос Емельян, побродив по свету, осел в деревне). Даже когда шел на смерть, то увязал в ней сапогами. Отношение его к смерти тоже во многом разинское. Так, в романе Степан Разин говорит Фролу: «чем же уж тебе жизнь так мила, что ты ее, как невесту дорогую, бережешь и жалеешь? Поганая ведь такая жизнь! чего ее беречь, суку, если она то и дело раньше смерти

от страха обмирает? ...Не было тебя... И не будет. А родился – и давай трястись: как бы не сгинуть! Тьфу!.. Ну – сгинешь, чего тут изменится-то?» Нет в этом ни фатализма, ни отчаяния – скорее торжество жизни, настоящее понимание ее.

Прокудинское крестьянство – это не указание на род деятельности, а на связь с почвой. То, что прогрессивной интеллигенции не понять и никакими терминами ей это не объяснить, потому как тут речь о врожденном инстинкте. Он либо есть, либо его нет. Либо со временем откровение об этой почве снисходит, но это еще надо заслужить, уметь чувствовать.

Прокудин – классический странник-правдоискатель, сделавший круг по миру и вернувшийся именно туда, откуда начал свой путь. Этот мужик дорогуший коньяк «Реми Мартин» из ковшика в холодной бане пить будет (и так точнее, чем в тексте, где Петр достает из кармана два стакана), потому как у него совершенно другая система ценностей, где главное живое, настоящее, те же березки. Немногим ранее из этого же ковша он Петра кипятком полил, а теперь практически причастие совершают.

«Шаркнем по душе!» – сказал Егор перед встречей с городскими представителями креативного класса. Но они ничего кроме раблезианского карнавала не смогли дать. Тоже «чужие». Они душу иссушают. Старые и некрасивые. Красоты в этой публике нет, жизни.

Мечите реже!.. Желудок и червонцы – их смысл. Егор же деньги презирает. Они строятся для разврата, он им о любви. Под халатом, в котором герой, как Калигула, болящее сердце. Это его горе, его путь.

Нет у мужика и раболепства перед властью. Отказался заниматься извозом начальства. Пересел на трактор. Ближе к настоящему, к земле, березкам, отчому дому. Рядом с ним – его верная Мария Магдалина и ставший другом-апостолом Петр.

Жоржик – это его формула самоуничужения. Георгий – победитель змея. Победоносец и в то же время землепашец.

Егор – не понят ни прогрессивными членами общества, ни властью. Все как обычно...

Он не мог не уйти. Но душу, что важно, спас. За ним пошел Петр. Что впереди у него? Жизнь по этапу или проповедь о настоящем мужике?..

«И лежал он, русский крестьянин, в родной степи, вблизи от дома... Лежал, прикинув щекой к земле, как будто слушал что-то такое, одному ему слышное. Так он в детстве прижимался к столбам» – это уже финал.

Смысл всех прокудинских поступков, описанных Шукшиным в возвращении, в том, чтобы вновь стать родней. Движитель Егора – его страстное желание вернуться. Как в Евангелии от Матфея: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное». Вся «Калина красная» – это возвращение героя к своему детству, когда он прижимался к столбам. К детской чистоте, к детским ощущениям и восприятию мира. Так он обретал настоящую волю. И, конечно, в чем-то это последование Христу. Свидетельство о хриstopодобности простого мужика, жизни которого через горнило всевозможных перипетий прошла.

Но не понимают у нас мужика и не пытаются. Проще развратить, убить его. А в нем вся Россия. Без него она ничто, пустое место.

В девяностые страну практически и превратили в пустыню, потому как зачищали ее от мужика. Изводили его, всеми силами старались

не пустить в новую страну. Очень в этом деле поднаторел триумvirат власти, криминалитета и либеральной интеллигенции. Впрочем, все как у Шукшина. Все как с Егором Прокудиным.

Он, как звезда рок-н-ролла, должен умереть. Умирает он вновь и вновь, но всякий раз возвращается. Из почвы выходит, потому как свой, потому как нужен.

«Иваны еще сгодятся», – говорит у Шукшина герой киноповести «Брат мой».

Можно вспомнить историю, рассказанную в «Любавиных». В этом романе вообще много переключек с «Калиной красной». Оставшийся сиротой еще в младенчестве Иван Любавин помытарствовал по жизни, даже сидел за драку, но вернулся на малую родину, устроился работать шофером, отстроил дом, где жил с братом. У Ивана много общих черт с Егором Прокудиным, но они, конечно же, не близнецы и не дублируют друг друга.

Есть в «Любавиных» и стычка с представителями мира, представляющего коктейль из полукриминальных элементов, подпольного бизнеса и прогрессивной интеллигенции. Один из героев второй части романа Петр Иевлев переехал за своей возлюбленной Марией в город, где она была тесно связана с подобной публикой. Они постоянно гостевали в квартире, которую сняла пара. Вот как описывает их Шукшин: «Какие-то непонятные молодые люди с обсосанными лицами, с жиденьким, нахальным блеском в глазах, какие-то девицы в тесных юбках...» Все эти люди занимались перепродажей и приворовыванием. Денег у них было много, употребляли они дорогой коньяк (возможно, именно тот, что пил Прокудин из ковша в бане), хорошо и в соответствии со всеми модными писканиями одевались, «пели заграничные песни, обсуждали заграничные фильмы».

Этакое полчище мелких бесов, к которым Иевлев сразу почувствовал отторжение: «Глубоко русская душа Иевлева горько возмутилась. Между ним и этими парнями завязалась нешуточная война».

Скажем пару слов о самом Иевлеве: он был кадровым военным, состоял в партии, впереди рисовались прекрасные карьерные перспективы. В старших классах школы он узнал, что у него совершенно другая фамилия, что родители его репрессированы и были честными людьми (у Василия Макаровича самого отец сгинул в горниле репрессий). А уже многим позже получил от тетки отцовское письмо. С этого открывшегося знания началась у него другая жизнь: ушел со службы, лишился членства в партии, устроился на завод учеником слесаря. Все это в 25 лет. Вполне логично было бы возненавидеть страну, советскую власть, убившую родителей и сломавшую ему карьеру и жизнь. Но всего этого не произошло, хотя и, казалось бы, что все основания для личной ненависти наличествуют. Прямая дорожка в стан к мелким бесам... Для многих и совсем незначительного повода достаточно: наступили на ногу и проклял всю страну, сейчас это воспринимается вполне себе оправданным. Например, в романе Алексея Варламова «Душа моя Павел» героями обсуждаются подобные поводы и аргументы для личного антисоветизма. Не зря ведь Варламов написал ЖЗЛ Шукшина.

Окончательный разрыв с «энергичной» публикой произошел у Петра на собственной свадьбе, где была устроена настоящая вакханалия с последующим разрывом с Марией.

«Заразы вы! <...> Поганки вы на земле, вот кто!» – пытался было обличать Иевлев, но быстро понял, что все впустую, как метание бисера. Вместо этого, он попросту объявил войну: «Я вас каленым железом выжгу из города». Выжег, разворошил гнездо даже несмотря на угрозы. Хотя все это противостояние у него вполне могло закончиться, как и у Егора Прокудина.

Выговаривает он и Марии, спорит с ней, формулируя свой символ веры: «Я люблю свою родину! Я не продам ее по мелочи, как вы... Не размениваю! И народ мой – это могучий народ, а я сын его!...» Опять же, для современного сознания подобные тирады будут непонятны и списаны на идеологизированность. Между тем чувство родства, связанности с народом – это даже больше, чем личное, чем родственные узы.

Любопытен в романе образ Марии Родионовой. Красивая молодая женщина, трижды была замужем. Всю жизнь в каком-то напряженном поиске чего-то гениального, чего-то нескучного. Ее отец – истовый коммунист, апостол новой жизни, с его приходом в деревне началась советская власть. Мария с ним имеет мало общего, взгляд на жизнь диаметрально противоположный. Но и про мелких бесов, хоть и сблизилась с ними, все знает. Сама называет их «слякотью». В финале отец умирает от сердечного приступа, когда узнал, что дочь увела из семьи мужчину. Притча о финале страны? Когда мелкие бесы обретут небывалую силу, а основная масса людей, как Мария, пойдут за ними, хоть за слякотью, лишь бы не скучно было жить... Сама же Мария все больше связывается со слякотью. С мужиком ей скучно. С Иевлевым она то расходится, а сойдясь вновь изменяет. Ивана Любавина отвергла, но в финале он спасает ее от безрассудного бегства и забирает к себе в дом. Добавим, что в творчестве Шукшина постоянно прослеживается, мягко говоря, скептическое отношение к женщине.

В повести «Там, вдали» аналогичный сюжет. Только не Мария, а Ольга, и она Иевлеву проговаривает: «Ты – рабочий, гордись этим. А они – хлюпики, стилиаги». Эти хлюпики также были модно одеты, обсуждали фильмы, слушали музыку, «и тогда в квартире визжало, мяукало, стонало, выло». Между ними и Иевлевым развязалась война, красная линия была пройдена, когда они попросили его спеть Есенина...

Так и проходит у Шукшина основное разделение на «слякотью», которая является синонимичным чужим, и мужика или «простецкого мужика». Кстати, определение «слякотью» использует уже наш современник Роман Сенчин в своей песне (да, он еще и поет в группе «Плохая примета») «Если ты не слякотью» с припевом: «Если ты не слякотью – защищайся, / Если ты не слякотью – нападай!»

Кстати, только на первый взгляд может показаться, что «хлюпики, стилиаги» – представители тогдашнего креативного класса, сплошь и рядом творческая интеллигенция, к которой в силу своей темноты негативно относится простой мужик. Шукшин несколько иначе воспринимает принадлежность к культуре, нежели самопрезентацию и гонку за модными тенденциями и прочим. Так, в восприятии Иевлева, быть культурным человеком означает разбираться в том, что хорошо, а что плохо. Культурный человек – придерживающийся системы ценностей. Вот что он отвечал Марии на вопрос, считает ли он себя культурным: «Во всяком случае, разберусь, где черное, а где белое,

где настоящее, а где суррогат, наигрыш, кривляние...» То есть затрагивается еще и сфера условно искусствоведческая, так как говорится о способности отделять настоящее от «кривляния», от атмосферы «малины» из «Калины красной».

В чем сила? В том самом мужике и детях, которые наследуют его: «До чего же простецкий мужик! Пустили же такого в свет белый – умного русского хорошего человека. А теперь он пустит – пятерых сразу, если не больше, тоже таких же неглупых, добрых... Сильная матушка Русь. Неистребима» – так думал Иван Любавин о своем дядьке Николае Попове. Вот она противоположность мелким бесам – человеческой «слякоти».

И что там нам вдалбливают об убывании генетического кода нации?.. В равной мере, на примере тех же Любавиных, можно говорить и о его исправлении. Так вот, Ивану Любавину, который в младенчестве потерял родителей, по возвращению на малую родину, говорят: «ведь вы совсем другие стали... Совсем непохожие!» Непохожие – в лучшем смысле, произошло исправление породы.

А мужицкая порода такова, что рядом с ней невозможна суета и мельтешение, только посидеть рядом да помолчать: «Лобастый долго, терпеливо, осторожно мнет в толстых пальцах каменную “памирину”, смотрит на нее... И я вдруг ужасаюсь его нечеловеческому терпению, выносливости. И понимаю, что это – не им одним нажито, такими были его отец, дед... Это – вековое.

Лобастый по привычке едва заметным движением тронул куртку, убедился, что спички в кармане, встал, пошел в курилку. Я – за ним. Посидеть с ним, помолчать» («Как мужик переплавлял через реку волка, козу и капусту»).

Этот отрывок очень важен у Шукшина и замечание «не им одним нажито» – необычайно верное. Правда, как-то это перевернулось в последнее время, превалирует философия сорняка: я пришел и никому и ничего... А тут речь о породе, исполинском древе, уходящим в глубь веков.

Пошляки все твердят об убывании генетического кода, о зачистке от лучших, на место которых пришел «красный человек». Глупости все это. Вопрос в том, что нажито и есть ли вековое, которое смотрит на тебя глазами современника. А если смотрит, то только помолчать и остается...

Когда я написал об этом в соцсети, писатель из Владивостока Василий Авченко подбросил другую цитату Василия Макаровича: «Уверю, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши невероятной тяжести победы, наше страдание – не отдавай всего этого за понюх табаку. Мы умели жить. Помни это. Будь человеком». Ее подхватил Захар Прилепин и сделал в своем «Фейсбуке» отдельный пост, добавив свой комментарий: «Можно, к примеру, эту цитату повесить над входом в десяток глянцевого журналов, просвещённых радиостанций, продвинутых интернет-ресурсов и так далее, и тому подобное.

Чтоб человек шёл на работу и наполнял священной злобой. А на выходе пусть ему понюх табаку выдают. За проделанную работу».

У того же Захара Прилепина, при всем различии, на самом деле очень много общего с Василием Макаровичем, он также проводит разделение человеческой породы. Да не по собственному хотению, а так обстоятельства, реалии вынуждают, и это противопоставление остается только фиксировать.

«Мы обладаем общим культурным кодом. Во всём остальном мы противоположны», – писал Захар Прилепин в совершенно шукшинском духе в статье «Две расы». Она была опубликована в 2014 году, уже после Крыма и начала противостояния на Донбассе. Именно тогда это противопоставление «свои – чужие» очень четко обозначилось. Вот поэтому можно с полным основанием говорить, что если бы Егор Прокудин жил в наши дни, то он бы точно был на Донбассе со своей родней.

«У нас, да, общие песни – но разная страна.

Одни и те же любимые писатели – но иначе настроенные рецепторы.

Наш символ веры состоит из слов, отрицающих их символ веры», – это все тот же Прилепин, который про «две расы – иной крови. Разного состава». Про это вечное противопоставление, где с одной стороны великий князь с сонмом алчущей свиты, а с другой – деревенский пастух, дядя Емельян. И поговорить им между собой не о чем.